

Николай Иванов

СУВОРОВЕЦ Воевода

БОЕЦ РЕСПУБЛИКИ

Николай Федорович Иванов

Суворовец Воевода.

Боец республики

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73955112

Суворовец Воевода. Боец республики. Роман / Николай Иванов: Вече;

Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5878-1

Аннотация

Это первый в новейшей истории Вооружённых сил России роман о суворовцах. О тех, кто завтра станет офицерами и на чьи плечи ляжет ответственность за безопасность Отечества.

Но сегодня главный герой книги Артём Воевода, сын полка в ополчении ДНР, зачисляется для продолжения учёбы в Тульское СВУ. Ему кажется, что на войне, где он прошёл плен нацистов, где за важнейшие разведданные о противнике его награждают Георгиевским крестом, всё понятнее, чем в новом коллективе среди сверстников. Однако основные испытания ждут его с началом спецоперации по защите родной земли от нацизма, когда он оказывается в эпицентре событий и вынужден давать координаты для стрельбы по родному дому...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	59
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**Николай Иванов
Суворовец Воевода.
Боец республики**

© Иванов Н.Ф., 2025

© «Издательство «Вече», 2025

Глава 1

Нулевой день войны

– Хочешь почитать Чехова?

Майор, увешанный оружием так, словно собирался воевать вечно, выставил на остаток кирпичной стены книгу «Три сестры».

– Самостоятельная, сама стоит, – не забыл похвалить автора за толщину написанных пьес.

Отошёл на десяток шагов и с разворота, практически не целясь, выстрелил из пистолета в книжную мишень. Сёстры, безмятежно гулявшие в белоснежных платьях по центру обложки, кувыркнулись припудренными носиками в пыль. Майор-артиллерист, словно за шиворот, поднял их двумя пальчиками, пролистал пробитые страницы. Отвесил щелбан пуле, застрявшей внутри книги, словно она оказалась виновной в плохом скорочтении стрелка:

– Вот так становятся двоечниками: всего 18 страниц. Попробуешь?

Протянул пистолет Артёму, сидевшему в роли зрителя на снарядном ящике в солдатской «Отдыхайке», невольно ставшей летним театром. Все его попытки поймать головой тень от обтрёпанного ветрами, выгоревшего на солнце украинского флага не приносили плодов. Впрочем, тому самому на-

верняка мечталось спрятаться в какую-нибудь тень, но вынужденно плескался на флагштоке в таком же выгоревшем, бледно-синем небесном озере, наполненном по краям пеной облаков. Когда же осень натянет погоду на дождик? Народ ждёт с середины лета...

По поводу оружия офицер явно шутил: кто доверит его незнакомому человеку, даже если это голодный безобидный пацан?

Но «макаров», пусть и с долей сомнения у хозяина, замедленно, переключал к Артёму. Правда, артиллерист тут же выудил себе увесистого «стечкина», по убойной силе и скорострельности способного трижды перестрелять «макара», – оружием, как болезням, дают имена их прародителей. С улыбкой наставил его на поднявшегося с ящика Артёма: не вздумай баловать, не подводи меня. Скорее всего, где-то в мирной жизни у него остался сын, по которому майор скучал, и общение с задержанным около позиций пареньком заглушало тоску по дому. Кто их поймёт, этих людей с оружием: скучая на войне по своим детям, легко убивают чужих...

– Мне бы жратвы бабуле раздобыть, – Артём сгладил напряжение, кивнув на выпотрошенные при обыске из рюкзака деревенские пожитки. А пистолет приятной тяжестью оттягивал руку, просился в дело. Если и впрямь испробовать его на артиллеристе, успеет тот нажать курок в ответ?

Отгоняя соблазны, втянул носом сытные запахи от костра, огненные языки которого шлифовали дно висевшего на

треноге казана.

– Жратва у нациков, – майор кивнул на лесополосу, где на фоне пожухлой листвы болтался, даже не пытаясь отмыться в небесном озере, чёрный флаг с остроконечной свастикой. Воистину чёрного кобеля не отмоешь добела. Прибывший из Луганска, а по слухам, просто изгнанный из родных мест за мародёрство батальон «Азов» – только они могли позволить себе демонстрировать любовь к Гитлеру. – Это им не запахло грабить местных, а у нас казённый сухпай. Но голодным не оставим, – повторяя Артёма, втянул запах куриного бульона. Подмигнул, выдавая доверительным шёпотом военную тайну: – Всё, что отошло от дома на сто метров, считается диким и подлежит уничтожению. Огонь!

Пуля Артёма пролетела над головами чеховских барышень, но те, напуганные первым выстрелом, сами от страха повторили предыдущий кувырок. Артём с сожалением вернул пистолет – не умею...

Майор по-детски счастливо улыбнулся своему превосходству, расправил плечи и, демонстрируя новые возможности, вытащил из чехла финку. Теперь уже тщательно нацелившись вытянутой рукой в щит из снарядного ящика, метнул в него нож. Остриё впилося в нарисованный углём круг, заставив бабочкой трепыхаться разноцветную инкрустированную рукоятку.

Опережая майора, Артём услужливо обошёл столик с разложенной на нём штабной картой, не без усилий вытащил из

выщербленных досок нож. Повторяя какого-то героя из какого-то фильма, поцеловал лезвие: холодное оружие настоящим джигитом без нужды не вытаскивается, только для боя. Если его не случилось, то извинись перед сталью поцелуем и верни в ножны для следующего раза.

Артём принёс финку с уважением и к хозяину – рукояткой вперёд. Майор в благодарность окликнул повара, пританцовывающего от жара у костра:

– Петро. Нам би з гостем трошки перекусити. І тусок збери, ніж багаті. И побыстрее, топчешься як квочка.

Военные легко переходили с русского на украинский и обратно, хотя именно из-за требования Киева говорить всем только по-украински и началась война на Донбассе. Или язык всё же стал лишь предлогом проверить реакцию России? Причём в интересах американцев?

А суп оказался отменный. Артём не помнил даже в мирной жизни случая, чтобы бульон варился сразу из нескольких кур, а мясо к столу подавали не мелкими ощипками, а на отдельном подносе: бери сколько хочешь, хоть три ножки. Но он возьмёт две, чтобы потом, как будто в первый раз, взять ещё и кусочек белой грудки – мясо из ниточек, как говорила мама. Больше съест он – меньше останется врагу.

Объедались молча, пока не отвалились на спинки плетёных кресел. Салфеток не имелось, но облизать пахнущие мясом пальцы – только продлить удовольствие. А тут ещё и компот уже пощипывает за пятки пар, гоняя его, как белую

воздушную лошадку по арене цирка, по краям кружки.

Для полного счастья оставалось выцганить пистолет. А что, раз пошло такое везение, то почему не помечтать о подобном? Это майор думает, будто перед ним мазила-малолетка. На последних соревнованиях он, Артём Воевода, перестрелял по очкам даже командира блок-поста. Помог, конечно, крёстный, научив коптить спичкой слепящее глаз остриё мушки...

– Что, понравилась игрушка? – майор перехватил взгляд на кобуру, вытащил «макарова». Погладил костяную рукоятку с частым рубчиком против скольжения в потных ладонях стрелка. У оружия ничего нет случайного.

– У нас на улице у многих что-то имеется, один я как сирота шепетовский на одесском Привозе, – посетовал Артём на неустроенную жизнь без оружия во время войны. Даже намекнул доброму артиллеристу, как обойти закон: – Пацаны сбивают номера, чтобы никаких следов. Зато чужие не суются. Знают, что получают по мордасам.

– И это правильно, – неожиданно поддержал народную самооборону майор. – Само оружие, брат, ни в чём не виновато. За всё отвечает тот, кто стреляет из него.

Повертел «макарова» и, не вернув в кобуру, оставил лежать на столе. Стоявшие рядом автомат и гранатомёт словно подтверждали слова Артёма: если на улицах сёл и городов неучтённого оружия выше крыши, то что говорить про боевые позиции на фронте.

– Как супец? – поинтересовался майор, снова отвалившись на спинку театрального кресла. Наверняка на пути артиллерийского полка попался под разграбление театр. Так что командир в роли главного героя развернувшейся на Донбассе пьесы мог позволить себе сытно развалиться пусть и перед единственным, но зрителем.

– Первый раз за войну наелся, – почти не соврал Артём. Вычистил корочкой хлеба тарелку: – Вкусно – ум отъешь. Где помыть?

– У нас вон, рагуль есть для таких дел, – кивнул на повара с обидным прозвищем, прикрепившимся к выходцам из Западной Украины. Зря он так, у Артёма мамка тоже западенка, с Волыни. Он ездил туда к родственникам в гости до войны, нормальные люди. – А ты у меня в гостях, – так и не разрешил работать артиллерист, доставая сигарету.

Артём суфлёром вытащил спички – крёстный дядя Степан ещё до войны начал собирать их коллекцию. Чего только не нашлось: коробочки с ноготок всего на пару спичек, коробка на две тысячи штук. А треугольные упаковки Артём вообще впервые у него увидел. Как и круглые, словно из-под девичьей пудры. Имелась в коллекции даже стеклянная упаковка в виде банки. Спички на пластинах, отламывающиеся поштучно. Каминные спички в два пальца толщиной. Повторяющиеся образцы крёстный дарил Артёму, что сейчас и пригодилось для демонстрации уважения пану майору, – поджечь сигарету горячей на любом ветру и даже под водой

охотничьей спичкой. А в благодарность за обед можно поделиться с ним половиной коробка.

Майор охотно принял подарок, высыпал спички в сигаретную пачку. И, наконец, признался в понятном:

– Авось и моего сына кто-то покормит в случае чего.

Разбередил себя, прикрыл глаза, сладостно погружаясь в воспоминания. Артём в освободившуюся минуту спокойно оглядел наблюдательный пункт со стереотрубой, выпученным удавом осматривающей местность, столик с придавленной камешками картой. Пересчитал хоботы орудий с наброшенными на них кусками маскировочных сетей, штабеля снарядных ящиков. Отнёс повару грязные тарелки. Петро, перевязывая лейкопластырь на пальце, поинтересовался:

– Родителей и вправду нету?

– Отец пил, умер, – подсочинил немного Артём. Где бы батю ни носило, но если жив и за время войны ни разу не показал глаз, то и впрямь для него умер. – А мамку... Мамку убило. Недавно.

Повар замер над походным термосом, в который переливал суп для разноса бойцам в окопы. Уточнять не стал, от чьего обстрела погибла мать: стреляют нынче только они. Снаряды хоть и старосоветские, а летят, выходит, прицельно.

Артём уловил смущение бессловесного солдата, возрастом и повадками напомнившего крёстного. Осторожно обозначил место рождения матери:

– На похороны приезжали её родственники с Волыни.

– О, почти землячка. Я из Тернополя, – порадовался, насколько это было возможно в данной ситуации, Петро. Одновременно сумел и погоревать: – Война идёт на одном малом клочке, а собрала всю Украину.

Оба понимали, что углублялись в слишком больную, не зависящую от их мнения тему, которую требовалось прекращать. Кивнули, понимая и прощая друг друга. Вернувшийся к столу Артём поклонился открывшему глаза майору, с сожалением оторвавшегося от воспоминаний:

– Спасибо, пан командир, – обозвал его на новый лад. Офицер удивился неожиданному для себя обращению, но промолчал. Значит, привыкает. Начинает нравиться быть паном... – Мне пора. Пока доберусь до дома, и комендантский час наступит.

Кашевар, которому по возрасту и впрямь заниматься внуками, уже наполнил супом трёхлитровую банку. Обмотал её от случайных ударов солдатским вафельным полотенцем, помог гостю уложить презент в рюкзак. Незаметно для командира запихнул ещё что-то наверняка вкусное на дно сидора, подмигнул. И впрямь соскучились мужики по семьям.

Майор заметил излишки, и хотя в шутку, но пнул повара ногой в зад. Петро безропотно вернулся к костру, хотел подбросить в огонь дровишки, но руки дрожали: кому приятно, когда тебя пинают, как собаку, при детях...

Пана майора переживания подчинённого не тронули, он их даже не заметил. Указал лишь Артёму в сторону чёрного

флага:

– Туда нос не совать. Отмороженные на всю голову. Из-за таких не можем закончить эту канитель.

За политику на Украине карали тюрьмой не только поваров, но и командиров, поэтому майор вернулся к отцовскому наставлению:

– И не вздумай бросать учёбу. Иначе уши надеру.

– Ладно.

– Не ладняй горбатого к стенке, – присказки продолжали оставаться одни и те же по обе стороны фронта.

Майор неожиданно прижал к себе Артёма, поцеловал в макушку. Подтолкнул в рюкзак – иди, не сбивай с панталыку воспоминаниями и не мешай нести боевое дежурство.

Некоторое время грустно глядел вслед уходящему парню. Потом поднял книгу, перелистал пробитых «Трёх сестёр». Просмотрел остановившую пулю страничку – как смогла? Заглушая тоску по дому и сыну, попробовал читать. Действие постепенно увлекло, и майор, щелчком пальцев приказав повару сготовить чаю с вареньем, тоже «ушедшим» прямо в банках за сто метров от села, перенёс кресло под маскеть – и продувает, и не печёт голову. Тень от одноногого флага попробовала потянуться за ним, но командиру оказалось не до него, зовущего в бой за чистоту украинского языка: увлечённый чтением русского писателя, превратился из вояки в добродушного мужичка, улыбающегося уголками губ.

Артём же, едва скрывшись за кустами, сделал крюк к лесополосе, идущей вдоль линии электропередач – к флагу чёрному. «Азовцы» веровали в свою неприкасаемость, постов не выставляли, и Артём от акации к акации, от клёна к клёну, от кустов маслины снова к клёнам подполз к лагерю боевиков. Затих, вслушиваясь в голоса. «Нацики», если поймают, за обеденный стол не пригласят, скорее, поставят вместо мишени. Так что на случай задержания снова придётся прикинуться голодной овечкой, для чего банку с супом лучше выбросить. Он грибы собирает. Вон, стайка рядовых вылезла в ожидании дождика.

Сорвал несколько бледно-розовых шляпок, распахнул рюкзак. И обомлел: поверх укутанной полотенцем банки лежал пистолет. Майор? Всё же подарил?! А патроны? Оружие без них – кусок металла, которым лишь заколачивать гвозди.

Выдавил магазин из рукоятки. Золотоголовые крутолобые братья-близнецы подпирались снизу тугой пружиной, готовые нырнуть в ствол, подставиться под боёк и, воспламенев, умчаться на простор. И неважно, кто окажется на пути – «Три сестры» Чехова, «Идиот» Достоевского, «Война и мир» Толстого или даже сами авторы. Мечта любой пули – освободиться от металлической хватки затвора, вырваться из темноты, запаха подгоревшей смазки, расправить плечи, вдохнуть вольный встречный ветер. Что станет потом, после выстрела, – про то неизвестно, ещё никто не возвращался из заствольной жизни обратно в магазин. Да и не для того они

появились на свет, чтобы вечно жить взаперти! Много повидавшие в своей жизни солдаты тоже утверждают, что лучше сгореть, чем сгнить...

Самому Артёму требовалось без грохота и спецэффектов возвращаться на свой блок-пост, доложить командованию о высмотренных боевых позициях на карте командира. Майор-артиллерист, конечно, добрый для жизни, но глупый для войны. Война – время закрытых ушей, глаз, рта, сердца и души.

Хотя шёл в этот район Артём не ради карты артиллеристов. Она случайна и второстепенна. Он ищет миномёты, и не все подряд, а конкретно «Васильки». Орудиям придумано множество красивых букетно-цветочных названий – «Гиацинты», «Тюльпаны», «Гвоздики», «Акации», а ему бы отыскать позиции самого простенького синего полевого «цветка». Потому что уже несколько месяцев из этого района каждое воскресенье ровно в 6 часов вечера, словно отбивая время вслед за курантами Спасской башни Московского Кремля, прилетают шесть «васильковых» мин. В первое воскресенье мая, сразу после Пасхи, одна из мин-курантов разорвалась у них в огороде, где мамка поливала проклюнувшиеся на грядке огурцы...

Не стало мамки, засохли огурцы, прошло лето. Самого Артёма крёстный после некоторых раздумий приписал сыном полка на свой блок-пост, а какой-то маньяк продолжает упорно, придерживаясь расписания, извещать выстрелами о

нулевом дне недели – воскресенье. Сегодня как раз оно. И потому Артём здесь. И скоро 6 часов вечера. И у него появляется возможность высмотреть, откуда и кто стреляет. Раз у артиллеристов миномётов нет, то стопудово, это нашёл себе забаву «Азов». Осталось увидеть, где позиция. Никто никогда из разведчиков так близко не приближался к фашистскому батальону, так что можно показать класс игры на патефоне!

– Микола, напиши «С пер-рльшим вер-рлесня». Нехай життя повчить, а не р-рлоссийску мову, – выделился в вялом гомоне лагеря властный командный голос, спотыкающийся о букву «р».

Кто там и кого хочет поздравить с первым сентября? Чем поучить жизни взамен русского языка?

Артём выбрал клён потолще, допрыгнул до веток, полез вверх. Рискаю сорваться с закачавшейся под весом верхушки, раздвинул ветви с резными листочками. За ними увиделись искажённые маревом жаркого дня фигуры солдат. Однако стоило взглянуться, и первым распознал боец-художник, сидящий с красками перед минами-крылатками. Так это они – подарок к первому сентября? Снаряды – вместо русского языка?

Командир окликнул несколько солдат, те взяли каждый по надписанной мине и направились к узкоколейке, тянувшейся от террикона. Шестеро! Четыре в кассете, две дополнительно. Неужели оно! Пока всё сходится.

Обдирая живот о кору и сучья, Артём соскользнул вниз. Выхватил припрятанный в траве вместе с банкой супа пистолет. С усилием сдвинул вниз флажок предохранителя, пере­дёрнул затвор, загоняя старшего золотистого братца в ствол. Пока не представлялось, что делать дальше, следует ли во­обще приближаться к нацикам, не хуже майора-артиллери­ста увешанным оружием. Эти ведь стреляют не по книгам, а сразу по людям. По его мамке точно. 57 осколков насчитали врачи! 57 из стандартных 400. Он изучил про «Василёк» всё!

Вид на узкоколейку перекрывала арка каменного мостка, под которой протекал ручей. Проскочив его застоявшуюся вонь, Артём сусликом высунул голову из ковыля, отыскивая «азовцев» с минами. Помог голос командира:

– Швидка медична допомога.

Он не зря сравнил себя со скорой помощью: к отряду со стороны террикона, разгоняемая двумя бойцами, по рельсам катила вагонетка. А на ней... на ней стоял миномёт. Корот­коствольный «Василёк», распознанный по полёту мин крёст­ным дядей Степаном. Изучая осколки от мин, вымеряя у воронок углы прилёта снарядов, после каждого воскресного обстрела убеждался всё больше и больше:

– Точно мой родной «Василёк». Два года наводчиком при нём состоял.

Сделал даже рисунок, припомнив практически все дета­ли. И главный показатель – стрельба совпадала: от 800 мет­ров до четырёх километров. Не только по прямой, но и с на-

весом, из-за террикона. А теперь Артёму стала понятна и причина, по которой не могли засечь огневую позицию «часовщиков»: мини-бронепоезд! Стрельба каждый раз с нового места! И через каких-то полчаса мины с поздравлениями к новому учебному году полетят, возможно, в сторону его родной школы! Учителя, небось, как раз развешивают в классах карты и плакаты. Им стопудово помогают рыжая Валька Почечуева, Костик Алимов, Славик Непейвода... Да он готов в алфавитном порядке перечислить весь класс. Правда, может, кто-то за лето и уехал от обстрелов в Россию, с мая не навещал класс. Даже не знает, поставили ли ему годовые оценки. Но беда в другом – он не знает, как спасти ребят, с одним пистолетом вагонетку на абордаж не взять. И даже если каким-то образом взорвать «Василёк» или просто вывести его из строя, «нацики» легко прикатят новый.

Миномётчики тем временем буднично загрузили на платформу боеприпасы. Оседлали её, как ишачка, со всех сторон, покатали вдоль электрических столбов выбирать огневую позицию. Бежать следом? Но высунуться из укрытия не даёт картавый командир, оставшийся сидеть рядом с насыпью на деревянном чурбачке. Вытащил из нагрудного кармана мобильную рацию, глянул на часы. Артём торопливо сверил циферблат на своих: до стрельбы пятнадцать минут. Если ровно в 18 часов прозвучит по рации команда, то на топчане – точно он, убийца его мамки. И это лучше, чем взры-

вать миномёт. Оружие, как сказал майор, не виновато в войне, за всё отвечает тот, кто стреляет!

И даже не он, а тот, кто даёт команду на открытие огня!
Командир с картавым «р»!

Оглохнув от собственного громового дыхания, Артём принялся ползти к картавому. До выстрелов – 7 минут. Часы у него «Командирские», с красной звёздочкой на тёмном фоне. Отцу подарил какой-то московский генерал. Батя гордился, что в Афганистане вытащил раненого командира взвода из-под огня. Тот остался жив, дослужился до генеральских погон, а батяня... Эх, папка, папка! Зачем нужна эта водка! Куда сгинул? Ни ты ничего не знаешь про мамку, ни она про тебя так ничего и не нашла. Стыдилась, а всё ходила, выпытывала у людей и милиции...

Миномётчик спокойно курил, сбивая пепел женским постукиванием пальца по отставленной в сторону сигарете. На чёрной майке по спине надпись огромными буквами «АЗОВ». Заглавная «А» напоминает мишень для метания ножей у майора-артиллериста и аккуратно расположилась под левой лопаткой, где сердце. У него, Артёма Воеводы, финки нет, но на последних соревнованиях и впрямь перестрелял по очкам командира блок-поста, выбив две десятки из трёх. А сейчас у него в пистолете целая обойма близнецов.

Три минуты до стандартных шести выстрелов. Не война, а нервы и сплошная арифметика. Для первоклашек. Только вот школу сейчас разбомбят. Две минуты! А часы после

смерти отца носила мама. Они ей нравились крупным циферблатом. Когда после взрыва Артём подбежал к ней, смотревшей прямо на солнце, то поначалу тормозил её, потом догадался приложить ухо к сердцу. Тиканье часов на оказавшейся рядом руке заглушило все остальные звуки...

Картавый поднял рацию, и Артём подставил под рукоятку пистолета левую ладонь. Так меньше отдача, а это важно, если придётся стрелять повторно. А он будет вести огонь до последнего патрона. За мамку. В эту ненавистную букву «А», охотно лёгшую в прорезь прицела.

И тут совсем не вовремя на мушку опустилось солнце, девочкой на шаре забалансировав на её отполированном острие. Закоптить бы прицел, как научил крёстный, но кто знал, что всё так удачно сложится и с пистолетом, и с картавым! На войне удача – птица залётная. Глаз заслезился, совсем некстати стал стекать по спине и со лба разъедающий тело пот. Выгораживает убийцу, спасает от мщения? И время остановилось. Ну же!

«Азовец» внял мольбе, поднёс к губам рацию.

Он!

Больше не раздумывая, опережая картавый приказ на открытие огня и вылет мины с белой школьной надписью, Артём нажал на курок.

Миномётчик, словно повторяя книгу Чехова, взмахнул руками-страницами и кувыркнулся с деревянной сидушки в железнодорожную гальку. Но Артём продолжал стрелять

в неподвижное тело, пока пистолет желторотым птенцом не распахнул рот от недостатка пищи. Отбросив ставшее бесполезным оружие, Артём рванул назад. По ручью. Под аркой. Вдоль линии электропередач. В лесополосу. У кленового наблюдательного пункта подхватил рюкзак. Полотенце, словно сползшие белые чулочки, оголило крутые коленки суповой банки и, теряя секунды, но забрал и гостинец повара. Задирая ноги в высокой траве, бросился прочь от автоматных очередей, раздавшихся у железной дороги.

Глава 2

Арестовать и выдворить в Россию

День окончательного окончания лета не радовал бойцов «Тэшки». Т-образный перекрёсток, у которого обустроился блок-пост ополченцев, просматривался на все три дороги, и ни на одной из них даже в бинокль не виделось ни своих, ни чужих.

Нет радости на войне, если не возвращается с задания разведка. К тому же ушедшая в тыл врага самовольно, без приказа. Да ещё в возрасте пятнадцати лет. Завтра школа, а он...

– Лично расстреляю, – ласково-ласково, безнадёжно-безнадёжно шептал грузный командир, про шаривая в бинокль четвёртую сторону – нейтральную полосу в триста метров, которой международные наблюдатели разъединили воюющие на Донбассе силы. Эдакая «серая зона», где словно пропало время.

Но именно туда и ускользнул под покровом утреннего тумана приписанный к блок-посту Артём Воевода. И вернуться может только с этой, вражьей стороны. Всё бы ничего, не впервой, но сегодня вместо традиционного шестичасового воскресного обстрела на той стороне началась внутренняя суматошная стрелковка из автоматов. И это наверняка связано с Артёмом.

– Ничего, Василь Матвейч, ничего, – на правах одногод-ка назвал командира по имени-отчеству грызущий спичку Степан Самойлов. Тут дрын перегрызёшь, потому что это он привёл крестника на блок-пост после смерти кумы Марии. Опекал всё лето, а перед самой школой, выходит, не усмотрел. – Он в лапти кого хочешь обует, – продолжал уговаривать скорее себя, чем начальника, в благополучном исходе дела. – Ты же знаешь, он и в мирной жизни ничего не боялся. Ни матери, ни ремня, ни крапивы, ни хворостины. Боец. Выживет, по жизни рак жаворонка не съест. Но по шее надаю.

Пока же отпихнул Шнурка, по собачьей настырности лезшего по ноге со дна траншеи, чтобы заглянуть в глаза и поинтересоваться, где пропал его хозяин.

Собачонку оттащил от греха подальше медбрат Ванечка, присланный из Донецка налаживать медицину на блок-посту. Росточком едва не со Шнурка, белобрысый, лицом не старше Артёма, он поначалу вызвал у «Матвея» такой прилив ярости, что тот, не стесняясь присутствия нового бойца, оборвал телефонную трубку:

– Я просил врача, а не санитаря! И мужика, который может перетаскивать раненых... Я понимаю, что нехватка, но перевязывать раны мы сами наловчились... Мне как людей лечить, когда в аптечке один аспирин?

Бросил трубку, несколько мгновений молча ругался с ней, но окончившего медицинский колледж парня обратно не отправил. Не до жиру. Те, кто мог реально помочь с медици-

ной, или валились с ног в операционных от перенагрузок, а потому охранялись как зеница ока в городах, или сбежали в Россию, Польшу, Венгрию и далее везде. Ванечка не сбежал и сам напросился на передовую. Толк от парня, несомненно, будет, лишняя порция макарон с тушняка найдётся, но почему его врачебный опыт должен наработываться на шкурах его подчинённых? В то же время прибежал первым в готовности применить свои возможные навыки при возвращении разведчика.

О подзатыльниках Артёму мечтал и часовой, поверивший ему на слово в срочное задание командира и пропустивший через боевое охранение, а в итоге получивший от того же самого командира за ротозейство по первое число. А с каждым часом отсутствия разведчика – и по второе, и по третье...

Все собравшиеся в пулемётном гнезде торопили время, но ни через день, ни через час, ни даже через секунду в этом мире никто ещё не перепрыгнул. По сути, и настоящего-то в природе не существует, только прошлое и будущее. Это Шнурок может проспять сутки и спокойно после этого пойти по собачьим делам, не спросив ни час, ни день недели. А тут...

– Готовься, – вдруг приказал командир Степану. Тот с готовностью перебрал в руках автомат: да, надо собирать ударную группу. – Поедешь в Москву.

Самойлов недоумённо уставился на «Матвея»: какая Москва? Она отсюда, из окопов «Тэшки» по своей недося-

гаемости может соперничать хоть с Луной, хоть с Марсом.

Василий Матвеевич не стал интриговать:

– Помнишь, там в Генштабе Колькин афганский командир служит? Я ещё по весне просил его пристроить Артёма в суворовское училище. Зацепка-то весомая – родился в Москве. Во времена были. Золотые.

– Турпоездка от шахты, катер по Москве-реке... – вспомнил и Степан давнее, общее на троих время.

Собственно, потому он и стал кумом у Воевод, что носился по столице вместе с Колькой, ставшим раньше срока отцом, в поисках всего необходимого для роженицы и малыша. Как далеко ушло время! И самое поганое оказалось то, что запил, бросил семью, подался бродяжничать. И майдан в тех давних воспоминаниях ещё не случился, и война не разыгралась, и Мария жила, а не имела табличку на кресте. Не имелось, собственно, и разницы, кто где родился и на каком языке говорил. По крайней мере, у них на Донбассе...

Новая вспышка стрельбы за «серой зоной» вернула к реальности. Ванечка расстегнул медицинскую сумку. Один Самойлов попытался сделать вид, что стрельба не относится к крестнику. Продолжил беседу:

– Но ведь сбежит, стервец, на первой остановке.

– А ты зачем? Передашь с рук в руки.

Не отрывая взглядов от «серой зоны», строили планы и козни так, словно Артём сидел в столовой и ел кашу...

А он, путаясь в жёсткой траве, из последних сил бежал к

террикону. Там в ямах-копанках, нарытых местными жителями в поисках угля и металла, в обильных зарослях белой акации, которую чуть ли не с первого класса они высаживали для укрепления породы, в непролазной полыни можно спрятаться. Только вот огонь автоматов приближался слишком быстро. И это не пустили ещё в погоню бронетранспортёры. Для артиллерии они как алюминиевые танки, но скорость-то по бездорожью непревзойдённая. Догонят за две копейки...

Нога подвернулась сразу на рубль, и он со всего размаха, не хуже расстрелянных чеховских сестёр вкуче с командиром миномётчиков, ткнулся носом в землю. Она щедро, словно Артём играл роль скаковой лошади и требовал подкормки, сунула ему в рот охапку ковыля. Отплёвываясь, порезав язык и губы острыми лезвиями стеблей, со страхом осознал, что далеко ему не убежать, не улететь на ковре-самолёте, не скрыться в тайных подземных ходах. Даже утреннего тумана нет, не говоря уже о дымовой завесе...

Встрепенувшись от озарения, захолопал по карманам. Спичечный коробок оказался на месте! Счастье, что пожадничал и не подарил его весь в порыве благодарности майору-артиллеристу.

Широким охватом наклонил звенящие от солнечного накала, иссушенные жарой стебли. Поднёс спичку к коричневым ковыльным метёлкам. Те охотно затрещали бенгальскими искрами, по-новогоднему щедро делясь пламенем с соседями. Ветерка вполне хватило для поддува, несколько огнен-

ных разгоревшихся языков даже бросились по-детски обниматься с хозяином, и услышавшему треск собственных подпалившихся бровей Артёму пришлось отмахиваться от всполохов, как от назойливых слепней. Зато изнывающей от жары степи в радость хоть что-то изменить в опостылевшей от однообразия жизни. И роли не играет, ливень обрушится сверху или пойдёт гулять по её просторам пожар.

Артём пробежал вперёд, поджигая всё новую и новую вымаханную по пояс траву и придавая огню нужное направление. Пожар оказался верховым, нижняя трава, ещё сохраняющая зелень и островки белёсой полыни, только дымила, но это как раз и требовалось, чтобы под белёсой завесой добежать до террикона. Его срезанная верхушка манила защитой и подсказывала, что вокруг живут люди: пики уменьшают, чтобы не платить жителям за превышение экологических норм. Но там и надежда на спасение!

Однако беглец нашёл в себе силы отвернуть от горы и вновь податься к лесополосе. К самому её хвосту, где в редком ситечке деревьев его точно искать не станут. Полезут в заросли акации и в копанки, в гаражи, полынь и частный сектор, а он дожждётся темноты и спокойно выйдет к своим. Вот Матвейч обрадуется добытым сведениям...

«Матвей» захлопнул наручники на запястьях Артёма, едва того с обгоревшими бровями, с красными от дыма и бессонницы глазами привели в штаб после полуночи.

– Запереть! Не спускать глаз! – взревел вместо «ура» и обнимашек командир.

– Я супчика принёс. Бульончик, – растерянно пролепетал Артём, но подарок ещё больше разъярил «Матвея».

– Какой к чёрту супчик! – грохнул он кулаком по столу. Неизвестно, по какой взаимосвязи качнулась на проводе и замигала лампочка, заставив присутствующих замереть. Даже прыгавший рядом от счастья Шнурок плюхнулся на поджатый хвост. – Нервы в ошмётку и язву желудка ты всем нам принёс, а не бульончик!

– Товарищ командир...

– Я командир для тех, кто исполняет мои приказы, а не самовольничает! Под арест!

Артём сжал губы. А вы, товарищи начальники, знаете, где он был, что видел и испытал! Его сто раз могли убить, но он сам отправил на тот свет воскресного картавого маньяка. Что же сами не сделали этого за всё лето? Ждали, когда он пойдёт в самоволку? Но теперь он точно ничего никому не расскажет. И про карту артиллериста тоже, потому что майор – нормальный мужик и предавать его западло, хоть он пан и враг. А утром, когда у «Матвея» кончатся психи, он уйдёт со Шнурком на другой блок-пост. Или перейдёт линию фронта и станет воевать в тылу врага один. Справится. И получше, чем под чьим-то присмотром...

Силы, мысли и обиды кончились, едва голова коснулась подушки, а Шнурок свернулся калачиком за спиной, прогре-

вая её хозяину до живота. Не услышал и не почувствовал, как запанцирил по крыше долгожданный дождь, как сняли наручники и укрыли одеялом вместе со Шнурком. Мог, возможно, проспать целые сутки, но подъём на блок-посту – он общий и для арестантов.

Вошедший в землянку крёстный выпустил собаку, протянул Артёму миску с подогретым трофейным супом. Тот потянулся за ложкой, но в памяти всплыл холодный ночной приём, и он демонстративно задвинулся в угол нар. Он не станет ничего есть, пока... пока... Даже если командир, по большому счёту, и прав, но арестовывать как жулика или предателя...

– Ешь давай, – не принял обидчивого выражения лица дядя Степан. – Дорога дальняя.

– Какая дорога?

– Асфальтовая. Едем в Москву. Спички покупать. Вон, осень наступила, для костров потребуются...

Прозвучи известие в другой день, можно подпрыгнуть от радости до бревенчатого потолка. Но сейчас поездка таила подвох и никакие спички ситуацию не спасали. Поэтому никуда он не поедет. К тому же надо отследить, не заменит ли кто картавого в следующее воскресенье. Вдруг найдётся новый желающий продолжить традицию, а где и как разворачивают «Василёк», никому неизвестно. А он, в случае необходимости, готов вновь добраться до узкоколейки и уничтожить любого отдающего команду на стрельбу.

– Я не поеду, – сообщил крёстному Артём. Под арестом вечно держать не станут, в конце концов, сделает подкоп. А кто хочет, пусть едет хоть в Москву, хоть в Киев. Он сам решит, чем заниматься.

Утвердиться в решении не дал вошедший командир. Опе-режая вернувшегося Шнурка, присел на нары, обнял Артёма и дружески похлопал по спине. А вот это лишнее. Спину всю ночь грел и прикрывал Шнурок. Он не предаст...

Словно подтверждая грустные выводы, «Матвей» после ласки снова захлопнул наручники на потерявшем бдительность подчинённом. И подтолкнул к двери: пора!

Солнце, растолкав локтями ночные тучи, вывалилось в бездонный небесный провал на окопы, пулемётные гнёзда, ходы сообщения. Рискую получить по лбу обитой войлоком дверью, попыталось даже заглянуть в землянку: я здесь, меня рано списывать со счетов. Ещё почти лето, ещё можно смотреть на мир с улыбкой.

Выстроенный перед землянкой личный состав «Тэшки» смотрел на Артёма с сожалением.

– Товарищи, – не давая времени на разговоры, командир приобнял парня. Тот дёрнулся, освобождаясь от лживой командирской заботы, но «Матвей» пальцев не разжал. – Вспомним: сегодня первое сентября. Давайте поздравим Артёма с началом учебного года. Как-никак, а выпускной класс.

– А наручники при чём? – раздалось из строя. Ополчение – это не воинское подразделение, бойцы взяли в руки ору-

жие по внутреннему убеждению, а не по призыву. И таким не прикрикнешь, чтобы отставили разговорчики в строю! Имеют право и спрашивать.

– Гав, – подтвердил недоумение с левого фланга и Шнурок.

– Артём сам попросил так сделать, – пальцы бывшего шахтёра впились в плечо арестанта так, что тот присел от боли и согласно закивал. – Знает, что по своему характеру может сбежать даже от крёстного. Но при этом он умный парень и прекрасно понимает, как важно учиться. Война когда-то закончится, и Республике потребуются грамотные офицеры, способные защищать её, когда мы с вами уйдём на «дембель». Вот Артём Воевода и попробует поступить в суворовское училище. Пожелаем ему удачи и возвращения с офицерскими погонами.

Степан Ильич показал строю синюю папку: всё истинно так, документы сопровождения готовы. Ополченцы захлопали, заставив взлететь с веток птиц и перемяться застывшими лапами собачку. Аплодисменты послужили сигналом и для уазика, завёлся с пол-оборота. Подошедшие сослуживцы выстроились в очередь обнять отъезжающего счастливчика, хотя и сжатого мёртвой хваткой командиром.

– Не обижайся, – впервые соучастно прошептал «Матвей» на ухо Артёму. Даже ослабил плечо. – Не подведи нас в России. Помни всегда: ты – боец Народной Республики! Пройди всё с достоинством. А мы... мы будем скучать за тобой.

За такие слова обнять бы Василия Матвеевича, но оковы на запястье не разжались, напоминая об унижительном положении. Неужели нельзя было по-человечески всё решить? Конечно, он бы всё равно сбежал, но чтобы так, как шелудивого кота, изгонять с войны!.. Хорошо, вывозите, но на границе он всё равно даст дёру. Даже без документов из синей папочки. Мало ли домов и бумаг сгорело у людей во время обстрелов. Выпишут новые.

Из происходящего ничего не понимал лишь Шнурок, заискивающе заглядывающий в глаза каждому. Так и не выросший по размерам во взрослую собаку пёс сердцем чувствовал тревогу хозяина. Перед посадкой в уазик прыгнул на грудь Артёма, принялся лизать лицо, заскулил. Командир с усилием оторвал дворняжку, прижал барабанившие в воздухе лапы. «Но ведь всё хорошо, всё в порядке?» – умоляли о подтверждении собачьи глаза.

– Всё хорошо, – подтвердил «Матвей».

Шнурок не поверил, вырвался и помчал, истошно лая, за машиной. Не давая Артёму оглядываться, Степан Ильич привалил его к себе, закрывая уши.

– Я вернусь. Ты жди, Шнурок, – прокричал прижатый к прикладу автомата Артём. Вырваться не получилось, он укусил волосатую руку крёстного, но тот перетерпел боль, не ослабил хватку. – Всё равно убегу, – пригрозил уже конвоиру.

Однако связи у «Матвея» оказались настолько высокие,

что наручники крёстный не снял даже при пересечении границы. Пограничники что свои, что на российской стороне читали какую-то сопроводительную бумагу, улыбались и давали «зелёный коридор» конвойной парочке.

Ключик на «браслете» щёлкнул, разъединяя металлические кольца на запястьях, лишь в автобусе. Артём уткнулся лбом в стекло, не реагируя ни на слова крёстного, ни на предлагаемые им бутерброды. Хоть за Полярный круг вывезите, хоть в Гималаи, а он всё равно вернётся домой. При малейшей возможности.

Она представилась только в Москве на автовокзале. Уверовав, что крестнику отныне деваться некуда, Степан Ильич в ожидании открытия метро припал к киоску, высматривая за стеклом диковинные коробки спичек. Внутренне согласился на непредвиденную растрату, указал на коробок с тиснёной прессом этикеткой Кремля:

– Мне этот.

Клевавшая носом молоденькая продавщица попыталась дотянуться до спичек через стеклянные полочки, порушила витринную выкладку товаров и обессиленно опустила руки:

– Может, вам зажигалку дать?

Степан Ильич, опьянённый мирной Москвой, с улыбкой замотал головой:

– Нееет, девушка. Не могу. Меня попросили поджечь Московский Кремль именно спичками, а вы мне подсовываете зажигалку. Давайте уж достанем.

Достала. Но не успел любитель огня нарадоваться добычей, как ему на плечи легли сразу две руки:

– Гражданин. Пройдёмте!

Дёрнувшийся из рук полицейских Степан Ильич ещё больше усугубил своё положение, и на глазах у Артёма уже ему в одно мгновение захлопнули на запястьях наручники. Это выглядело забавно, потому что крёстный пошутил с поджогом. Но как всё быстро меняется в этой жизни! Одно неудачное слово и конвоир сам превращается в арестанта. А вот побудь, крёстный, в этой роли. Ощути, каково лишаться свободы...

Что объяснял задержанный полицейским, как умолял быстрее отпустить его, но долго и впрямь держать не стали, выпустив с настоящим напутствием подобным образом в Москве больше не шутить.

Артёма ни в зале ожидания, ни у киоска, ни на перроне Самойлов не увидел. Помочь мог только закон потеряшек: возвращаться на то место, где виделись последний раз. Киоскёрша, узрев идущего к ней «поджигателя Кремля», начала опускаться под прилавок и судорожно искать глазами стражей порядка. Можно было напугать бдительную девочку ещё чем-нибудь, но... но Москва не только слезам не верит, но и шуток не понимает. Полез в карман за оставшейся с дороги конфеткой, но и этот жест нёс для девочки угрозу, и она гильотиной опустила стекло в амбразуре окошка.

Эх, девочка, людям надо верить!

Заранее смущаясь всеобщего внимания, Степан Ильич огляделся и громко спросил, сразу ко всем на станции обращаясь:

– Люди, кто-нибудь видел пацана в синей ветровке? Брюки цвета хаки. С Донбасса, – зачем-то уточнил адрес.

На слово «Донбасс» пассажиры среагировали, стали сонно переглядываться, но и это не помогло выйти на след исчезнувшего бойца Республики. Пацан сказал – пацан сделал, потому что Донбасс порожняк не гонит...

– Дурак, – прошептал Степан Ильич, и было непонятно, относилось это к крестнику или к нему самому.

Он откровенно не знал, что делать. Предупредить всех отъезжающих водителей о возможном пассажире? Или сначала добежать до метро, которое открывается через несколько минут? Но у Артёма нет денег и ехать ему некуда. Значит, будет прятаться и выжидать где-то рядом в кустах?

– А я думал, вы меня бросили, – раздалось за спиной, и Степан Ильич опустошённо прикрыл глаза. Нашёлся! Убить или обнять игрулю?

Не оборачиваясь, чтобы не выдавать слёзы, повторил полицейского:

– Больше так в Москве не шути!

Народ на станции начал разбираться с вещами: метро готово было развезти гостей столицы в любом направлении. Посланцев Донбасса интересовал Генеральный штаб на станции «Арбатская». Как будет здорово, если всё получится.

Должно получиться, если идти по былям, то есть по правде жизни. Не с гулянок ведь приехали.

Здравствуй, Москва.

Глава 3

Взвейтесь, соколы, орлами...

– Ну что, прощайся с Москвой!

Степан Ильич обнял Артёма. Тот, ещё вчера мечтавший улизнуть от него в любую мало-мальскую щель, вцепился в рукав: никуда он не хочет ехать. Ни в знаменитый город оружейников Тулу, ни в только что созданное там суворовское училище. И никакими алыми погонами его не заманишь. Он готов просить прощение у всей «Тэшки», но вернуться домой и беспрекословно слушаться «Матвея». Делая первый шаг к примирению, во время томительного ожидания у стен Генштаба рассказал крёстному про свой поход к нацикам, шахтёрскую вагонетку, как поджигал степь.

Крёстный то с недоверием, то с восхищением, а чаще с запоздалой тревогой смотрел на Артёма, сопоставляя своё и командира поведение на блок-посту по отношению к парню.

– Пора, – поторопил кружившийся вокруг них толстенький капитан, посланный начальством сопроводить нового суворовца к месту учёбы.

Трудно сказать, что и как решали в Генштабе, какие доводы приводил в своём письме по спасению сироты-разгильдяя «Матвей», но все документы оказались оформленными буквально за часы. И это при том, что зачисление в училище

шло только с личного приказа министра обороны! Да ещё выделили Артёму в эскорт сопровождающего. Или опять надзирателя? Ему теперь вечно ходить под конвоем?

– Это не по благу, – успокаивал Степан Ильич, хотя Артём и не думал искать причины благосклонного к себе отношения. – По протекции ищут тёпленькие места, а ты у меня... Ух!

Капитан-колобок знал про «Ух!» всё, хотя в данный момент Самойлов имел в виду похождения крестника в тылу врага.

– Суворовцы звёзды с неба не хватают, они их на плацу подковами куют.

Степан Ильич представил строевой плац, по которому с утра до ночи маршируют пацаны, и сам поник. Может, и впрямь погорячился «Матвей», отправляя парня в суворовское? Закончил бы свои 11 классов в родной школе, а потом жизнь подскажет, в какую сторону шагать. И раз в Донецке вот-вот откроют кадетское училище, лучше было бы туда поступить. Пока же как-то не по-родственному, не по-соседски получается...

– Всё придёт в норму, – продолжал отслеживать настроение приезжих капитан. Похоже, не первого возил «ковать» звёзды. – Вот ты в любой момент можешь стать таким, как они, – указал Артёму на проходивших мимо ребят, – а вот они суворовцами – уже никогда. Зацени.

Заценил Самойлов. Чтобы не дать слабину, не дрогнуть и

не забрать крестника обратно, вывинтил свою руку из мальчишеской хватки. Оставшийся без опоры Артём опустил плечи. Всё! Ему теперь всё до лампочки, что постоянно гаснет в штабной землянке у «Матвея». Скорее всего, просто неплотно вкручена. Но попросил о единственном, глядя мимо крёстного:

– Покормите Шнурка. Он яичницу любит. Горячую. Чтоб обжигаться. И выстрелов боится. Не выпускайте из землянки при обстрелах.

Отстранился от подавшегося к нему Степана Ильича: ни к чему показные сантименты. Поздно. Если отреклись, если с глаз долой и из сердца вон, то и нет больше разведчика Артёма Воеводы. Делайте что хотите сами. Войте сами. А он...

Пошёл к вагону электрички. Не обернулся, даже когда крёстный сунул ему на ходу в карман своё московское счастье – коробок спичек с этикеткой Кремля. И когда прильнул к окошку, оставив на пыльном стекле отпечаток ладони, и даже когда побежал за поездом, – не повернул головы. «Из сердца вон, из сердца вон, из сердца вон» – застучали с нарастающей скоростью колёса. Замелькала за стеклом долгая-долгая окраина Москвы, потом пригороды, лесополосы, валки соломы на золотистой стерне скошенных полей. Всё отрезало его от прежней жизни, от могилы мамки, «Тэшки», Республики. Разносившая чай проводница дважды протягивала ему стаканы, но он выставял локоть, занимая всё пространство на столике, куда могли бы поставить угощение. «С

глаз долой, с глаз долой, с глаз долой»...

Эта монотонность неожиданно сладко наложилась на бессонную дорожную ночь, голодную суматоху Москвы. Артёму даже не пришлось сопротивляться – голова сама свалилась на грудь, плечо ткнулось в опечатанную ладонь крестного на оконном стекле.

Разбудила ладонь капитана:

– Прибыли.

Поспать дал до последнего – пассажиры практически все уже вышли.

– Тулу ни француз не взял, ни немец. А мы покорим, да?

Из соседнего вагона выгружался какой-то гастрوليрующий оркестр, грохот от тележек носильщиков перекрыл остальные звуки, и капитан прокричал на ухо Артёму:

– Всего семь нот, а грохоту!

К ним самим от замершего на путях памятника-бронепоезда спешил майор в десантной форме, и хотя колобок имел звание ниже, туляк отдал ему честь и представился:

– Начальник учебного курса майор Кубышка.

Артёму не понравились ни фамилия, ни подобострастие офицера. Старшинство в армии определяют не звёздочки на погонах, а столичная прописка? А бронепоезд – мощь, особенно с артиллерийскими орудиями на платформах! Это не «азовская» доморощенная вагонетка с «Васильком». Россия – сила! Двинуть бы её на Донбасс, летели бы клочки по закоулочкам. Что зря простаивает! А на соседних путях красный

пожарный поезд. Угнать бы довеском!

Проходя через здание вокзала, увидел ещё два поезда – построенный из деревянных чурбачков в детской игровой зоне и второй около кафе, сотворённый из пивного бочонка. Всё намекает о побеге. Значит, ему точно не суждено задержаться то ли в пряничной, то ли в оружейной, то ли в паровозной столице.

На привокзальной площади пришлось протискиваться к армейскому уазику, которого подскочившие к поезду бодливые такси затёрли к бордюру. Офицеры о чём-то переговорили, и в кабине Артём оказался без москвича, который лишь кивнул на прощание и покатил горошиной в машинном лабиринте обратно к поездам.

Внимание майора перенеслось на Артёма: если привезли нового суворовца после 1 сентября, да ещё в сопровождении генштабиста, то воробышек непростой и на всякий случай лучше выказать ему уважение. Ради этого даже предложил пассажиру:

– А не поехать ли нам сразу на стрельбище? У твоего взвода как раз полевой выход. Сразу в боевой обстановке и познакомишься со всеми. Идёт?

Какая боевая обстановка могла быть под боком у Москвы? «Пуф-паф» деревянными автоматами? Смешные люди. Побегали бы под реальными пулями среди терриконов...

Полигон с эмблемой парка «Патриот» встретил шлагбау-

мом, на котором дрожала гирлянда капель от начавшегося дождика. Охранник, укрывая поданный путёвой лист плащом, долго изучал подписи, потом растерянно пожал плечами:

– Пропуск на полигон вроде не такой, но дата сегодняшняя...

– По дате и работаем, – подбодрил майор охранника и властно махнул – открывай ворота. Путевой лист на выезд из училища и пропуск на полигон – документы и впрямь совершенно разные, но откуда знать такие детали людям, набранным в частное охранное предприятие с миру по нитке? Важному пассажиру подмигнул: – На обратном пути накажем за ротозейство. Вот только наших что-то не видать. Боятся раскиснуть?

Опровергая сомнения, из-за смотровой трибуны показался понурый строй. Впереди, стараясь не расползтись на мокрой дорожной глине, скорбно нёс на согнутой руке кепку долговязый суворовец. За ним брели четверо ребят, удерживая на плечах строительные носилки. Остатки взвода изображали похоронную процессию, бубнившую траурный марш.

При виде командирского уазика колонна остановилась. На ходу надевая каску, подбежал щупленький капитан. Гвоздиком замер для доклада:

– Товарищ майор, третий взвод шестой роты проводит занятие по тактической подготовке. Офицер-воспитатель ка-

питан Гречин.

– Это, по-вашему, тактическая подготовка? – майор попытался рыком забить «гвоздик» в мокрую землю по самую каску.

– Это перерыв, товарищ майор, – предполагалось, что каска в ожидании очередного удара молотобойца вожмётся в плечи, но капитан, наоборот, расправил их. Вздёрнул голову, заставив стальной шлем отброситься на затылок в виде лихо заломленного десантного берета. – Кто-то во взводе закурил сигарету. Признаний не поступило. Производятся похороны окурка.

Майор кивнул Артёму – выходи. Вникай в происходящее и сам подобного никогда не делай.

– В таком случае я вам копача привёз на подмогу, – выставив попутчика вперёд, сообщил с хитрецей для всех. Суворовцы исподлобья оглядели сухого, холёного по сравнению с ними новичка: что за фрукт? А командир вдруг перешёл на шёпот, заставляя подчинённых вслушиваться в каждую букву. Тихий голос командира – он зловец для провинившихся: – Кто курил, я всё равно узнаю. Так что лучше сделать это сейчас и добровольно. Потому что перед вами замена: одного вывожу из строя, другого ставлю. – И без перехода взревел: – Поднять головы!

Но даже при такой команде суворовцы не осмелились посмотреть на майора – упёрлись взглядами в новенького, за счёт которого они потеряют сейчас товарища. Вполне воз-

можно, что могли пускать сигарету по кругу и тогда виноват каждый...

Артём увидел во взглядах сверстников презрение, а долговязый, благо стоял дальше всех, даже демонстративно сплюнул.

«Я никогда не буду с ними», – дал себе зарок Артём, сдерживаясь из последних сил, чтобы не опустить голову под множеством взглядов. Пусть презирают сколько угодно, а он уедет воевать за свой Донбасс. Так что останется каждому хрен да ни хрена.

Майор покачивался с носков на пятки, и все понимали, что чем больше командир промокнет, тем жёстче станет наказание.

– Старший вице-сержант Чумаков.

– Я! – шагнул из строя долговязый с тремя лычками на погонах. Звания и должности здесь тоже выдаются в зависимости и от роста?

– В армии за всё отвечает командир. Надоело носить лычки? Поможем снять. Суворовец Артём Воевода!

– Я, – подчиняясь общей субординации, выступил вперёд Артём. Хотя какой он суворовец...

– Ты один получаешься вне подозрения. Принимай командование.

Артём не знал, что в училище практиковались стажировки в роли командиров каждым суворовцем – таким образом вырабатывались лидерские качества. Макаренко и Су-

хомлинский, вместе взятые, против суворовской Республики ШКИД. Не зная таких тонкостей, понимал другое: неужели майор не ведаёт, что в стае нельзя кого-то одного делать сизым голубем? Остальные ведь обязательно сплотятся против!

– Суворовец безоговорочно должен делать три вещи, – Кубышка выставил перед собой руку и начал загибать пальцы: – Первое – самому стирать носки и трусы. Второе – ещё не придумали. Третье – отвечать за свои поступки. Поэтому в последний раз спрашиваю: кто брал в руки сигарету – шаг вперёд. Рекомендую не упорствовать!

Ещё ничего не осознавая до конца, Артём сам сделал шаг вперёд. Брезгуете мной, господа кадеты? Так он не то что командовать вами, а вообще не намерен находиться рядом. Курите хоть гусиный помёт, как они в детстве у себя в посёлке. Выкручивайтесь, как хотите, а он домой. Согласно приказу майора Кубышки.

Артём сделал и второй шаг, но не на место долговязого, как предписывал приказ, а к носилкам. Снял с их деревянного настила сиротливый, мокрый не хуже самих горе-носильщиков, окуроч. Поднёс ко рту. Оберегая от расползания, мягко взял губами. И подарок, спичечный коробок крестного с Московским Кремлём, кстати лежит в кармане. Всё в этой жизни имеет взаимосвязь!

Повторяя поджог донецкой степи, защищая огонёк от непогоды, Артём поднёс его оранжевый горб к сигарете. Спа-

сая хозяйина от наказания, огонь без особого рвения лизнул мокрые бока окурка и свернулся, захирел на своей деревянной ножке.

Не приняв благородства, Артём чиркнул новой спичкой, и уже та, не желая повторять судьбу выброшенной в грязь предшественницы, огненными щипцами обхватила с двух сторон бумагу. Та задымила, и, разогревая табак, Артём втянул в себя горький дым.

Он не видел лица растерявшегося майора, недоумённых взоров третьего взвода шестой роты во главе с блестящей от дождя беретом-каскакой капитана. Втягивал и втягивал в себя дым – но при этом легонько, чтобы не закашляться и не выдать, что не переносит запаха табака с времён, когда приходил домой с сигаретой в зубах пьяный отец. Чтобы не попасть под его горячую руку, Артём забивался под кровать. Темнота, теснота, боязнь мышей и тараканов заставляли сжиматься до размеров стучавшего сердца, но бушевавший, прокуренный отец был опаснее. Плакала и кричала мама...

А здесь разве страх? Только чувство облегчения, что его отправят обратно домой! На законном основании. А эти московские и тульские щёголи с погонами ТлСВУ пусть захлебнутся своим презрением. У него, Артёма Воеводы, под обстрелами осталась могила мамы. И голодный Шнурок...

Окурок обжёт губы. Всё же закашлявшись, Артём растёр остатки табака пальцами и поднял голову. Всё, веществен-

ных доказательств нет. Оставайтесь с лычками и при погонах, снятые долговязики. А он домой!

Взвод ждал реакции майора. Если её не последует, то вылезший из машины однокурсник – воистину блатной, из семейства инвалидов: одна рука здесь, вторая в Москве. То, что он отбрил офицера-воспитателя – это круто, но вперёдсмотрящим во взводе негласно определён Чума. Старший вице-сержант Роман Чумаков. А коней на переправе, как известно, не меняют.

– Капитан Гречин, после занятий ко мне в кабинет вместе с... этим, – майор постарался сделать грозным своё растерянное выражение на лице. Но то, что не назвал имени провинившегося, не лишил вслед за Чумаковым погон и даже не указал на новенького, подтверждало: в жожаки предложен новичок. Только ведь такое по приказу не случается, они сами выходят вперёд в некую минуту...

Новенький как раз и вышел, приняв на себя гнев командира. Только вот делать это за спиной наверняка влиятельного папеньки – это не геройство, а наглость, которая втаптывает в полигонную грязь и их, стоящих в строю под дождём. Ты попробуй из промокшей шеренги выйти, а не из тёплого уазика!

Ждали окончательного решения майора – казнить или миловать? Артём понимал, что вместо покровителя нажил себе кровного врага, который не простит своей растерянности перед подчинёнными. Лучшим вариантом для всех ста-

нет, если прямо сейчас ротный отправит его до Москвы. В какой она стороне? Он готов идти пешком. Незамедлительно...

– К бою! – неожиданно скомандовал майор.

Уникальная армейская команда, отменяющая все предыдущие. Делаящая ничтожным пустую браваду, никчёмным – стремление обойти на вираже командира. «К бою!» – значит, падай там, где застал приказ. В этот миг ты лишь мишень для врага. А задача солдата – выжить и победить противника.

Взвод пятнистой каракатицей плюхнулся в лужу. Следом растянулся на земле и Артём. Как учил «Матвей», дважды перекатился, покидая место, где тебя мог видеть враг и открыть прицельную стрельбу. Замер, усмехнувшись своей готовностью исполнять приказы. К тому же суворовцы выставили перед собой пусть и учебные, с просверленными стволами, но всё же автоматы, а ему стрелять по противнику из пальца? Только что сам смеялся над игрой малолеток в войнушку...

– На рубеж наблюдательной вышки, ползком, вперёд!

Над головами раздались пусть и холостые, но выстрелы: капитан Гречин поливал автоматным огнём над теми, кто не особо тщательно утюжил пластилиновую глину на дороге или пытался огибать лужи.

Артём полз за всеми, понимая, что делает это в прямом и переносном смысле в противоположную от Москвы сторону.

Глава 4

«Снег» для «зелёных человечков»

Начальник Тульского суворовского военного училища полковник Карагодин Валерий Дмитриевич ехал с совещания в Генштабе сумрачный. Проблемы учёбы, поднятые там, по сложности и объёму тянули минимум на общевойсковую операцию, но спуску не давалось: расширить, углубить, выйти на рубежи, быстрота при наличии качества...

В конце своего доклада министр обороны утешил ещё больше:

– Мы должны воспитывать элиту страны. Повторяю: не только и не столько армии, но и страны! Даже если суворовцы не станут офицерами, но принесут пользу Отечеству в науке, спорте, музыке, то создание суворовских училищ будет оправданным.

Сами училища были распределены по видам и родам войск – кого приписали к сухопутчикам, кого к ракетчикам. Тулу и Ульяновск, с учётом близкого расположения десантных дивизий, подчинили штабу ВДВ. Уж этим-то войскам хватало реальных боевых и миротворческих задач по всему миру, и возиться ещё с детьми – всё равно что боксёру играть на пианино. Но кто поспорит с министром обороны? А тут ещё семь лет учить ребятишек, чтобы потом отдавать их

чужому дяде! Что останется самой армии?

– Мировую историю пишут победители. В случае с суворовскими училищами мы должны писать биографию не только армии, но и страны, – не менял точку зрения министр.

Строевые офицеры грешным делом поначалу думали, что министр ничего не понимает в армейской службе: заканчивал гражданский политех, а если кем и командовал, то – спасателями. Только вот задача МЧС – ликвидировать последствия стихийных бедствий, а у армии она ровно обратная – создавать препятствия противнику.

Нового министра спасла от снисходительных улыбок первая же фраза, с которой он вошёл в зал коллегии Министерства обороны и дал команду вставшему навстречу генералитету:

– Товарищи офицеры!

Это так разительно отличалось от действий предыдущего министра с его гражданским «спасибо, присаживайтесь», что увешанные боевыми орденами генералы и офицеры мгновенно приняли нового руководителя. А когда был издан приказ, вернувший суворовцев и нахимовцев к участию в парадах на Красной площади, это окончательно сделало его любимцем армии, костяк которой как раз они и составляли.

Так что вниманием суворовские училища не то что не были обделены, от него порой хотелось даже спастись...

От мыслей отвлёк мобильный. Номер высвечивал приёмную командующего ВДВ, и Карагодин напрягся: что летит

вдогонку, чем ещё озадачат?

Выслушал новость не без раздражения. Когда-то, давая согласие возглавить училище, выдвинул единственное условие: никаких приёмов по блату и по звонку! В противном случае оставляет за собой право написать рапорт на увольнение.

И вот – пришло время. А как ещё отнестись к указанию принять сразу в выпускной класс новичка? Никаких исключений и никаких новичков. Он предупреждал насчёт рапорта на увольнение...

– Это указание из Генштаба, приказ подписан министром, – порученец командующего, чтобы не выслушивать не принадлежащие ему слова, благоразумно отключился первым.

– Воевода... – чертыхнулся полковник прозвучавшей фамилии. – Да хоть купец первой гильдии!

Добавил скорость: наверное, более внятные объяснения по вынырнувшему как чёрт из табакерки Воеводе уже пришли в училище. Чей сынок-внучок? Мажор с Арбата, где сроду не видели земли под ногами? Папки-мамки спасают от тюрьмы, изолируя от разгульной жизни?

Ради Бога. Но не при нём. И если кто-то думает, что уход с достаточно престижной должности потребует усилий, то психологический барьер по снятию погон он преодолел ещё несколько лет назад, подав рапорт на увольнение с должности заместителя командира дивизии. Светила академия Ге-

нерального штаба и генеральские погоны. Но он не принял того унижительного положения, в котором оказались в девяностых годах офицеры. Чтобы прокормить семью, даже ему, полковнику, приходилось по ночам таксовать. Однажды два сосунка едва ли не ногой постучали с заднего сиденья по плечу:

– Шеф, берём тебя с машиной на ночь. Будешь пай-мальчиком, дадим двойную цену.

Вышвырнул как слепых котят в придорожную канаву, но утром на построении словно впервые оглядел подчинённых. Командир артиллерийского полка – такой же ночной бомбила, встретились однажды на заправке. Комбат–2 – ночная смена в кочегарке, зампотех – сторож в детсадике. А в вечерних новостях – выплывающий из костюма, как дрожжевое тесто из кадушки, министр обороны оправдывает перед журналистами свою подчинённую за миллионные хищения при строительстве военного госпиталя.

Это и стало последней точкой.

«Гражданка» вроде приняла с распростёртыми объятиями: бравых полковников привечали охотнее, чем седых генералов. Зажил вольготно, особо ни за что не отвечая, но... Но однажды, как и сейчас, раздался звонок из штаба ВДВ:

– Полковник запаса Карагодин?

– Полковник Карагодин, – не стал играть в узнавалки, хотя голос был отдалённо знаком. Но он ненавидел эти дурацкие приставки «в запасе», «в отставке». Полковник ВДВ по-

жизненно!

– А нет ли у полковника Карагодина желания прогуляться с десантниками в Арктику?.. Что молчишь? Не узнал, что ли?

Не узнал. В армии принято представляться, когда звонишь первым.

– Начальник разведки...

Позвони вот так с раннего утра зам по тылу, начпрод, начальник ГСМ – напрягся бы: значит, им что-то требуется. Но разведка напрягла ещё больше: точно что-то надо! Как же по-разному звучат интонации.

– Ищу безумных десантников.

Точно он, Старик Хоттабыч! Владелец кустистых бровей, волоски из которых нещадно вырывал, заранее морщась от боли. Первое знакомство у них произошло, когда ещё капитан Хоттабыч прошёлся вдоль строя только что прибывших в дивизию выпускников-лейтенантов:

– Это не вы выбрали десант. С этого дня он сам станет выбирать вас. Но после меня.

Разведка всегда имела право первой отбирать из новичков себе офицеров.

Около Карагодина капитан тогда даже не замедлил шаг, отыскивая будущих разведзверей по одному ему понятным критериям. Кольнуло, конечно, что не пришёлся ко двору разведке, но на службу в целом жаловаться было грех. Но в честь чего спохватились спустя годы?

– Готовится массовое десантирование в Арктику. Впервые в истории. Реальный противник уже все уши наострил. Нельзя обмануть их ожидания.

– И?

– А прыжки без мордобоя – что дама без кавалера. Желательно, чтобы кроме белых медведей бойцов встретил хотя бы условный противник.

– И?

– Вот и ищем его. Девять отставников уже согласились. Ты подходишь под командира.

Ох, Хоттабыч! Будто вновь шёл перед строем желторотых лейтенантов. И вот на этот раз остановился. Только поздно уже, дама овдовела, то есть парашют зачехлён. Хотя внутри зашекотало...

Разведчик уловил это безошибочно:

– Вы перебрасываетесь до ближайшего аэродрома, оттуда на снегоходах идёте около двух суток до законсервированной метеостанции. Выгоняете белых медведей и ждёте голубчиков в голубых беретах.

Самое смешное – согласился ведь. Какой волосок вырвал из бровей Хоттабыч, что даже снегоход купил за собственные деньги? Зато с каким упоением вместе с такими же «безумными» под прицелами американских и прочих норвежских разведок погонял родных десантников среди белого безмолвия! И развернулась, распираемая от гордости, душа: есть ещё порох в пороховницах! И отыскалось, растолкав

острыми локотками прошлый стыд за армейское убожество, чувство гордости за воспрянувшую армию: если уж белых медведей загнали за Можай, то любому желающему можно показать и кузькину мать. И с этим вынужденно соглашались все разведки мира, стянувшиеся в район показательного русского ледового шоу.

Только Хоттабыч имел в наличии две брови!

И пока одетые в «снег» десантники вместе с безумными отставниками-офицерами гоняли белых медведей и разведку реального противника среди торосов, совсем другие, очень «вежливые люди» уже в зелёном камуфляже вдруг неожиданно-негаданно объявились в Крыму. Это потом станет ясно, что они опередили всего на несколько дней прибытие в Севастополь американской эскадры, готовившейся вместе с новой властью Украины указать на дверь русскому Черноморскому флоту и закупорить Россию на задворках Азовского моря-лужи. И сразу прощай великая морская держава Россия, отрезанная от южного выхода в океаны. С учётом, что Япония бьётся за Курильские острова, отрезающие проходы в океан Тихий на востоке, России готовилась участь рыбака с удочкой на внутренних реках и озёрах.

Отвлекающий помпезный манёвр с Арктикой сработал, и мировая история пошла совсем другим путём, где Крым – территория России...

– То есть мы – не мировая сенсация по массовому десантированию в Арктике, а всего лишь отвлекающий манёвр? –

спросил Карагодин у Старика Хоттабыча, встречавшего в Москве переморозившихся «безумцев».

– Вы ещё начните обижаться, – с улыбкой ответил тот. – Не вам же рассказывать, что разведке не интересен спектакль на сцене и потому она никогда не покупает билеты в партер. Сюрпризы зрителю всегда готовятся за кулисами. Или что-то не так? Сильно поморозились? Я тоже думаю, что до новой встречи заживёт.

Он словно собирался и дальше использовать десантный дух отставников «втёмную». Только ведь каждого ждала основная работа, и благо, что не лето стояло на дворе, а против мартовских отпусков подчинённых начальство никогда особо не возражает. Да и арктический десант вскоре всеми забылся, зато Крым и Черноморский флот остались...

За воспоминаниями, ход которых женским голосом постоянно прерывал навигатор, предупреждая о превышении скорости, Карагодин домчал до родной Тулы. Хотя какая она родная? Первый раз появился здесь вместе с командующим ВДВ и экскаваторами, начавшими рыть котлован под будущее здание училища.

– 1 сентября перерезаем ленточку, – кивнул командующий на снующие по колено в болотной жиже машины.

– Какого года? – попросил уточнений Карагодин.

– У ВДВ когда-нибудь были длительные перспективы? – усмехнулся генерал. Скорее всего, он задавал такой же глупый вопрос министру. – Этого, 2016-го!

Карагодин, ещё не давший окончательного согласия на назначение, тоже мог позволить себе усмешку. Он прекрасно помнил, что живучесть десантной дивизии в тылу врага вообще исчисляется тремя днями. А здесь впереди целых полгода, гуляй – не хочу!

– Вот «штатка», – командующий подал папку с документами, ничуть не сомневаясь в его согласии на должность. – Здесь полный расклад по командирам, воспитателям, преподавателям. Первый набор суворовцев – 240 человек.

– И ни одного блатного по звонку! – именно тогда проложил красную линию Карагодин, не торопясь принимать бумаги.

– Ни одного. Первый пошёл?

Карагодин не без сомнений, но тем не менее шагнул в распахнувшийся под ним люк в неизвестность. За спиной вроде распахнулся купол парашюта в виде всемерной поддержки штаба ВДВ, но ведь в прыжке отделение от самолёта – это только начало. Непредсказуемы встречные потоки ветра, которые бросают в твои стропы других десантников, тебя самого относит на воду или торчащие пиками верхушки деревьев. Так что основное – как встретит земля-матушка? В Арктике он, кстати, отменил первую выброску, когда для выпрыгнувших на пристрелку двух парашютистов-инструкторов не совсем точно рассчитали силу ветра и те поломали кости при ударе о лёд...

Жизнь преподнесла ещё больший сюрприз, определив

в губернаторы Тульской области генерала, командовавшего теми самыми «зелёными человечками» в Крыму, когда Карагодин отвлекал все разведки мира в белую Арктику. Неужели в огромнейшей России и впрямь воюют одни и те же офицеры?

Проблемы на первом этапе вырисовывались иного рода: как и где набирать будущую элиту страны, если ещё не уложен ни один кирпич в стены училища? Только и это легко разрешилось – Московское и Тверское СВУ принимали документы, Ульяновское проводило экзамены. И 1 сентября, как и требовал командующий, прозвенел первый звонок. А через неделю Президент России самолично вручил училищу Знамя.

И вот под него ставили какого-то блатного Воеводу...

Глава 5

«На веки вечные»

Артём маялся в небольшой приёмной начальника училища. За плотно прикрытыми дверями решалась его дальнейшая судьба, и ему ничего не оставалось делать, как в сотый раз пересматривать картину на стене: лошадка тащится по размытой весенней распутицей дороге. Почему военное училище приобрело картину с телегой, а не танком? Это что, тайный знак всем входящим – выбирать, куда катит их телега судьбы? Так ведь истина известна: куда возница направит лошадку, туда и потащится воз с грузом проблем. А на «Тэшке» за это бесполезно проведённое время уже пять раз почистил бы автомат...

За окном погода тоже не баловала, стекло поливалось вечерним сумеречным дождиком, и в его разводах самым отчётливым силуэтом оказалось колесо обозрения за училищным забором. Наверное, вид из кабинок красивый сверху. У них в посёлке самой высшей точкой по праву является хотя и срезанная, но верхушка террикона. Если представится возможность, обязательно прокатится...

Дверь, наконец, распахнулась, и на пороге возник коренастый, заранее сердитый и грозный, полковник в синей десантной форме. Артём больше по привычке окопника блок-

поста вытянулся в струнку.

– Сначала накормить, – приказал полковник Кубышке, оставшемуся за его спиной. – Затем парикмахерская, вещевой склад, учебный отдел, – определял очерёдность, даже не поинтересовавшись, нужно ли это самому воспитаннику. – Определить место в кубрике, внести в книгу поверки и во все учебные журналы.

– Есть, – протиснулся голос командира роты между дверями и начальником училища.

Полковник сделал шаг к Артёму, но не для освобождения пространства, а чтобы самому убавить голос:

– Мечта в жизни есть?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Артём застыл. С ним играют в детство? Берут на понт? Но он пойдёт до конца:

– Так точно. Сбежать отсюда.

– Вполне нормальное желание. Только давай договоримся, что перед этим сначала поставишь меня в известность.

– Нет.

– Дерзим?

– Так точно.

– Так не пойдёт. Не по-мужски. Всё же давай дадим друг другу два месяца на принятие окончательного решения. 20 ноября встречаемся.

– Суббота, – успел посмотреть дату на настенном календаре Кубышка и осекся, по застывшим плечам полковника

уловив недовольство. Воистину: ВДВ – это не только Войска Дяди Васи, это ещё и Выходные Дни Выбрось.

– До 21 ноября, – командир услышал подчинённого и спокойно перенёс дату на воскресенье.

Возможно, определил бы ещё и вечернее время, но дверь распахнулась, и в неё двое суворовцев внесли на доске макет памятника: на круге-постаменте укреплён автомат ППШ, на котором сидят несколько воробышков. И надпись – «Сынам полков».

Суворовцы никак не рассчитывали увидеть в приёмной начальника, застыли с ношей, но Карагодин указал на приставной журнальный столик. Постоял над будущим памятником, тронул одного из слепленных из пластилина воробьёв на прикладе, символизирующих детей войны:

– В таком же возрасте, как ты, защищали Родину.

То, что начальник училища соотнёс первых суворовцев из времён Великой Отечественной войны с ним, растопило сердце Артёма. Хорошо, он продержится два месяца. Умрёт в этой нарезанной ему борозде, но протянет свою лямку. Потому что всё же здесь не дохлая лошадка с телегой главные, а уважение к истории.

Начальник училища уже стоял с протянутой для заключения уговора рукой, и Артём хотя и не без сомнения, но пожал её. Ох, наверное, зря...

В парикмахерской не спрашивали про фасон желательной причёски – шуганули почти «под ноль». На вещевом складе

их принял полный, в два раза тучнее «Матвея», службист. Прищурился, будто имел один глаз отвес, второй – уровень, безошибочно определил все размеры и параметры новичка. Скрылся за чёрной шторой – штабные офицеры не прячут так свои секретные карты от посторонних глаз, как тыловики имущество. Копошился долго, но вышел всего лишь с небольшим пакетиком:

– Рыльно-мыльное, – подал туалетные принадлежности и снова фокусником исчез за шторкой.

Зато во второй раз вернулся с охапкой вещей. Вывали столько добра на «Тэшке», половина блок-поста защеголяла бы в обновках.

Однако насчёт обновки Артём поторопился: форма хотя и была чистенькая, но явно снятая с чужого плеча. Скорее всего, перешла от кого-то из отчисленных учеников. Катуси по пузи, как говорит баба Клава про одежду, которая маловата. Привет, подстреленный воробей с будущего памятника.

В спальном помещении выбора тоже не предлагалось: капитан-гвоздик завёл в двухместный кубрик, кивнул на идеально заправленную кровать. Кубышка проверил порядок у второго жильца: распахнул шкаф с формой, заглянул в умывальник, подёргал ящички в прикроватной тумбочке. Но лишь приподняв подушку, довольно замер над спрятанными там двумя мандаринками.

– Опять? Агапов? – майор с милой улыбкой, не предвещающей ничего хорошего, посмотрел на капитана. В армии

за всё отвечает тот, с кого можно спросить за обнаруженное нарушение.

Гречин удивлённо взял фрукты: да, выдавали на завтрак.

– Он что, хомяк? Здесь у нас голодное Поволжье? Может, ещё и подворовывает на столах у друзей?

– Не замечен, – отмёл капитан последний посыл.

– Так заставьте перед строем съесть! Коллектив сам должен воспитывать и самоочищаться от подобного.

Капитан недоверчиво посмотрел на ротного: а кто только что на полигоне метал громы и молнии по поводу коллективных похорон окурка? Но в армии барин определяется количеством звёзд на погонах, а не по родовой грамоте.

В кабинет к врачу вошли втроём, но высокая, сразу красивая для Артёма медсестра выставила офицеров за дверь. Ради того, чтобы приказать новичку раздеться до трусов? И почему у врачей, даже на первый вид красивых, такие холодные пальцы?

Не доверяя глазам, медсестра измерила-взвесила Артёма по приборам, поискала вшей в его стриженной голове, чем окончательно лишила себя симпатичности. Ясно, что выполняла свои обязанности, но неужели не понимает неловкости момента для тех, кто оголён и беспомощен? Нельзя было заполнить карточку со слов?

Возвращая в коридор офицерам своего пациента, кивнула: годеи к строевой, принимайте и двигайте дальше.

В учебном корпусе поплутали, отыскивая взвод по ауди-

ториям. Сначала поднялись на второй этаж по лестнице, отданной на растерзание химии: на каждой ступеньке красовались именно её формулы. В другом конце здания спустились по ступенькам уже математическим, с бесконечными уравнениями игреков и иксов. Остановились у класса географии, где на стене коридора висело 24 циферблата, по одному на каждый часовой пояс планеты. Невольно вспомнилось: а у них в школе при обстреле осколками перебило часовую стрелку и, скорее всего, их донецкое время безногим инвалидом продолжает стоять и сейчас...

– Взвод, встать! – подал команду Чумаченко, едва они вошли в класс. Значит, при появлении командира учитель в суворовском уходит на второй план? Включается армейская субординация? – Товарищ майор, 3 взвод 6 роты проводит занятия по географии. По списку – 23 человека, присутствует 22. Суворовец Латыпов отпущен на репетицию ансамбля «Фуражечка». Докладывает вице-сержант Чумаченко.

Кубышка мог прервать замкомвзвода с первых слов, но словно давал Артёму почувствовать жёсткость дисциплины, при которой ему предстояло жить. Два месяца пролетят ровно через два месяца, то есть мгновенно, а шаг вправо или влево – наряд вне очереди.

Одноклассники с интересом лицезрели новенького. Это на полигоне он вытворял, что хотел, но что сделаешь, когда на плечах уже погоны? Кишка тонка?

Свободное место нашлось на последней парте, рядом с ху-

деньким лысым заморышем. А Артёму и в радость – меньше станут разглядывать.

– Продолжаем урок, – вернула себе главенствующую роль учительница, постучав указкой по ладони. Так поддерживает аплодисменты в зале своей палочкой дирижёр. И от него зависит, когда начинаться музыке. Значит, всё же учитель главная в школьном оркестре. Чёрт ногу сломит в этих порядках...

Но с этого момента время для Артёма растворилось, хотя шли постоянные, по десять раз на день, проверки присутствия суворовцев на планете Земля и по более конкретному адресу города Тулы и улицы Рязанской с домом номер 25.

Кроме того, что он не высыпался и постоянно хотел есть, испугался другого: училище поглощало его, подчиняло своему ритму, своим нормам и законам. Артём сопротивлялся: как медиумы вызывают духов, так и он в каждую свободную минуту вытаскивал воспоминания о родном Донбассе. Но они, как несколько раз пересмотренное кино, уже не вызывали острых эмоций. Училище становилось неизбежностью, лица новых знакомых, круглосуточно мелькавшие рядом, перекрывали собой школьных друзей, бойцов блок-поста, соседку бабу Клаву, оставшуюся присматривать за домом.

Это пугало, вменяло чувство вины и даже предательства, особенно перед «Тэшкой». Просыпанный там вокруг буржуйки уголь, от которого в носу «жили» чёрные козюли,

был ближе и роднее выстроенных по ранжиру учебников на книжных полках в блестящих от лоска аудиториях СВУ. Полдники после двух часов самоподготовки были сказочны по вкусу, но разве они сравнятся с чаем, в который сквозь пар кипятка макаешь сухарь, пусть даже и без мака?

Непонятно, сколь долго предстояло ему жить с вывернутой в воспоминания шеей, но они не отпускали.

– Суворовец Воевода, где витаем? – интересовались преподаватели, хотя прекрасно знали, откуда появился новичок и где могло находиться его воображение. Элегантно вводили в новую жизнь?

Лишь где-то через неделю он словно вынырнул из стремительного бурного потока, несущегося по камням вместе с ним. И даже смог позволить себе впервые выйти в одиночку в личное время на спортгородок. Сразу же услышал:

– Товарищ суворовец, ко мне.

Заложив руки за спину, покачиваясь на носочках, на него смотрел незнакомый высокий вице-сержант. Судя по нашивкам на рукавах, на курс младше. Но ведь с лычками на погонах... А тот кивком головы подтвердил: ты и ко мне.

– Суворовец Воевода по вашему приказанию прибыл, – доложился Артём, ненавидя себя за податливость. Кто он такой, этот хлыщ? Да, выше званием, но бежать по первому зову...

– Почему руки в карманах держим?

– Привычка.

– От шпаковских привычек надо избавляться. – То, что гражданских в СВУ снисходительно обзывают «шпаками», уже уяснил. Что-то типа щебечущих скворцов... – Нитка с иголкой где?

Со времён Суворова они у солдата в отворотах головного убора. У него – в фуражке.

– За мной, – приказал вице-сержант, ничуть не сомневаясь, что провинившийся безропотно последует за ним. Всё же армия безупречна в своей исполнительности. Может, в том её и сила? А может, это вид у него, суворовца Артёма Воеводы, такой испуганный и податливый? Тогда хуже, станут шпынять кому не лень, как его соседа Славку Агапова. Но как разобраться, что можно или нельзя в этой долбаной Туле? И оно ему надо? Он хочет в Донецк! Там всё честнее и проще.

Остановились у горки с песком, предназначенным для какой-то стройки. Неужели мало уже возведённого? А у них в Республике стройматериалов не хватает. Он бы в карманах его возил домой, лишь бы восстановить разрушенное.

Новоявленный командир словно прочёл его мысли:

– Набирай карманы.

Артём замер, но вице-сержант посмотрел так, что Артём взял горсть песка, насыпал в карман.

– Ещё. Даю пока даром, ни копейки не требую... А теперь зашивай.

Пять-шесть стежков – и клад замурован. Осталось опять

удивиться: почему он подчиняется этой дури? Дурь же. Не для Донецка ведь, а поиздеваться над новичком. Суворовская дедовщина?

– Что не доходит через голову, дойдёт через ноги и руки, – пояснил сержант всем известное и, довольный выполненной миссией воспитателя, продолжил свой путь к спортзалу. Борец? Гимнаст? Для приказа разницы нет, в нём должна присутствовать только разумность.

И вновь нахлынула тоска по прежней жизни, по вольному ветру в родных донбасских степях. Никаких условий и договорённостей с начальником училища он соблюдать не станет. Никакой ноябрьской воскресной отсечки. Отменяет всё. Уйдёт сразу, как только! А песок из карманов он прямо сейчас вывалит посреди плаца. А лучше рядом с памятником суворовцу у входа в здание. Тот идёт с чемоданом как бы в новую счастливую жизнь. Всё своё носим с собой. Но это не строительный песок.

Рядом с памятником рабочий в синей куртке прилаживал лесенку к стилизованному верстовому столбу, на котором висели указатели на города, из которых учились в СВУ ребята.

– Боец, – окликнул строитель Артёма. Опять? Хочет насыпать полные карманы гвоздей? Только ведь сначала надо освободиться от песка. А «боец» звучит роднее и привычнее, чем «суворовец»... – Подмогни-ка!

Рабочий подал дощечку с новой надписью. Удерживая

равновесие, стал подниматься по стремянке. Отыскал среди нагромождения стрел свободное местечко.

– Давай укрепим на веки вечные, – протянул руку за новым указателем.

Только в этот момент Артём поинтересовался, указатель какого города он держит в руках. И замер: «Донецк – 692 км».

– Хочешь, чтобы я навернулся отсюда? – раздалось сверху, и Артём торопливо протянул название родного города рабочему. «На веки вечные»! А ведь это потому, что он, Артём Воевода, надел погоны тульского суворовца. Вон как жизнь поворачивается – и от него зависят указатели на этой земле. Класс! Да ради этого он проходит с зашитыми карманами хоть до вечера! И проучится, сколько надо.

Трёх ударов молотком хватило, чтобы стрелка укрепилась в нужном направлении. Артём последовал туда же взглядом. Оно перешагивало через главный корпус училища, но Артём остановился на окнах второго этажа: из своего кабинета на них смотрел начальник училища полковник Карагодин. Не зная почему, но Артём стал по стойке «смирно» и отдал ему честь.

Глава 6

Первое увольнение

И снова завертелась учебно-бытовая колесница, в которой Артём использовался в роли ступицы, не более.

– Суворовец Воевода, поздравляю вас с первой пятёркой.

Фигня на постном масле – сунуть электроды в раствор, включить ток и рассказать об электролизе. На третьей ступеньке химической лестницы весь процесс прописан, если кто не помнит. Но и занятия, конечно, смешные: на математике в условиях задач вместо коробок с яблоками обязательно присутствуют ящики с гранатами, а любое расстояние – это непременно дальность выстрела...

Что ещё удивляло Артёма – в училище не закрывалась ни одна дверь. Ни в классах, ни в спальне. Всё и все на виду – даже учителя, так что уроки можно спокойно слушать из коридора. Хорошо это или плохо, не мог понять, но факт удивлял, особенно в сравнении с учёбой дома: «Воевода, опять опаздываем? Заходи и плотно прикрой за собой дверь!»

– На стометровке не распахивайтесь сразу, первые метры рассекайте максимально согнувшись. Нестеров, спринт – это как в музыке: быстро, очень быстро, ещё быстрее...

Начальник физподготовки капитан Иван Иванович Иванов бежит дистанцию сам, демонстрируя положение корпу-

са, плеч, головы. Целая наука, однако...

– А теперь в зал. Первое отделение – на ринг, второе – на скалолазание, третье – расстилает татами. Латыпов, бокс для того и предназначен, чтобы не паниковать от удара. Не закрываем глаза!

Ударили по одной щеке, подставляй другую? Или между ударами нужно со зрячим зрением готовить свою атаку?

– Не давитесь, жуйте спокойно, никто не гонится. Агапов, куда опять прячешь сосиску? Чумаченко, лично проверять его карманы после каждого приёма пищи.

То, что на ужин досталась сосиска, – уже праздник. В «Чёрную неделю», когда взводу по графику выпадает заходить в столовую во вторую смену, их разметают как горячие пирожки первые счастливицы. И тогда взамен предлагается каша. Брррррр. Ложечка за маму, за папу, за ВДВ...

– В Турции, смотрю, не отдышал, – отметил командир отделения Димка Нестеров, помогая Артёму разбираться с подносами и очередью на раздаче пищи.

– С чего ты взял? – не дал себя унизить Артём. Он, может, в Болгарии каждое лето мог бы загорать, не случись война...

– Кто привык к шведским столам на курортах, тех сразу видно. Бери в первую очередь то, чего мало. А обед ешь в обратном порядке: сначала то, чего нельзя унести при команде «Строиться!» – компот, затем первое, и под конец второе.

Разумно. Но, если честно, в целом еда не очень понравилась Артёму: ни хрена на столах, ни перца, ни кетчупа,

ни майонеза. Из всех приправ в изобилии только соль. Как утверждают повара, согласно каким-то школьным нормам из прошлого века. А подогретую на костре перловку с ножа есть не пробовали, блюстители желудков?

– Товарищи суворовцы, взяли по табурету. Танцевальный девичий кружок сегодня не приглашён, так что представьте – это ваша дама. Делаем первое па...

У старшеклассников в приоритете – вальсы для бала, пятачки учат хип-хоп и всякую другую хлопающую ладошками ерунду. Хоть здесь не опустили ниже плинтуса.

– Вы как будущие десантники не должны любить лётчиков: они сначала поднимают нас в небо, а потом раскрывают ramпы и вываливают всех, как картошку из мешка, вниз. Поэтому, чтобы не стать на земле загадкой для хирургов, учимся укладывать парашют. Школьную последовательность чисел и нумерацию забудьте. В ВДВ очерёдность идёт с двенадцатой и двадцать четвёртой стропы...

На воздушно-десантной подготовке более всего глянулся стропорез – нож с зазубринами со всех сторон, способными в случае перехлёста строп отрезать их и освободить купол. Классная, вне всякого сомнения, штучка.

– К лошади подходите только спереди! Сегодня осваиваем галоп и рысь. Агапов и Воевода – менеджеры по «яблокам».

Это значит брать совок, метлу и убирать то, что оставили лошади после себя на занятиях по выездке на городском ипподроме.

Роль гадких утят невольно сблизила Артёма с соседом по парте и кубрику. Каким образом Славка Агапов смог сначала поступить в училище, а затем не вылететь из него со своими более чем скромными физическими данными и стабильным частоколом троек по всем предметам, загадка для Шерлока Холмса. Хотя, как оказалось, не такая уж и сложная.

– Что бы ни совершил, из училища не имеют права выгонять без разрешения родителей, – Славка перед сном раскрыл секрет своего долгожительства и уязвимости самого училища: – Здесь даже не имеют права наказывать, потому что это морально ущемляет ученика, – словно из инструкции министра просвещения продолжил Славик. – Пугают только одним – постановкой на учёт в милицию.

Новость показалась забавной: получалось не суворовское училище, а пансион благородных девиц, где каждая особа – цаца!

– Тебя можно попросить? – перешёл на шёпот Славик, что означало при открытых дверях полную секретность.

– Попробуй.

– Завтра на обед дадут бананы, – он, похоже, прекрасно выучил распорядок кухни и нормы довольствия. – Поможешь мой вынести?

– Ты в самом деле складировешь еду на случай атомной войны?

– Не хочешь – не надо, – Агапов отвернулся к стене и за- тих. У хомячков своя затворническая жизнь, в норках кото-

рых всегда амбары еды.

Банан Артём, конечно, вынес. В правом рукаве. Из левого извлёк в подарок свой и по тому, как счастливо загорелись глаза соседа, утвердился: нет для хомяка ничего слаще, чем грызть вкусности в одиночку под одеялом. Странно, что при всей любви к заготовке припасов Славик не растолстел до первой дырки на ремне.

Вынужденная дружба с самым затюканным одноклассником сказала и на отношении взвода к самому Артёму. Эффектность его появления на полигоне улетучилась, без нового эпатажа новичок превращался в стандартного середнячка, серую мышку, которой вольготно живётся под веником. А он просто расчертил на листочке ватмана календарик до 21 ноября и с наслаждением зачёркивал перед сном прожитый квадратик кривой линейкой. Лев Толстой в окрестностях Тулы прожил полвека, а он два месяца выдержит уж точно. Подарком стало, когда забыл календарь в классе и с великим наслаждением вычеркнул на следующий вечер из затворнической жизни сразу два квадратика.

Светом в окошке стало увольнение в город. Пусть и коллективное, из числа тех, кого не пригласили к себе домой туляки или не забрали подъехавшие родители.

– Куда идём? – отдал маршрут на откуп увольняемым Гречин.

За годы учёбы город оказался досконально изученным, назывались самые экзотические места – от посещения моги-

лы Льва Толстого в Ясной Поляне до экзотариума, у входа в который народ незлобливо потешался над памятником динозавру с прозвищем Тёща. Нацепить на него бальное платье, покрасить губы, набросить на шею бусы, всунуть в лапы букет цветов или бутылку пива – селфи на фоне городской любимицы стали так же популярны, как и с тульским самоваром.

Однако когда появилась возможность Артёму вставить свои пять копеек и он назвал колесо обозрения, все вдруг охотно согласились. Закон лени: всё, что рядом, отодвигается на задний план в надежде посмотреть попозже. «Завтра-послезавтра» в итоге превращаются в «никогда». А колесо уже год, как без усталости катает за речушкой Упой любопытных.

Идти к нему пришлось по кружному мосту, пронизываемому холодным ветром. Скорее всего, все пожалели об уютных музеях самовара, пряников, оружия и прочей деревенской милоты, но Чума решительно вёл под присмотром Гречина взвод на прорыв. Его устремлённость стала понятна, когда навстречу их группе из торгового центра вышли две девчонки, которым Чума и замахал рукой.

– Ни одного деревца, поцеловаться негде, – картинно погоревал перед всеми. И непонятно было, себя имел в виду или медсестру Зиночку, которая тоже вышла с покупками из того же центра, и теперь уже Гречин поспешил ей навстречу.

В случайность их встречи мало кто поверил, но вот дев-

чата оказались знакомы всем, кроме Артёма, и ажиотажа не вызвали. Чума благосклонно подвёл их к незнакомцу:

– Наш новый сослуживец Артём Воевода. Доборщик, – обозвал вроде и официальным, но не очень благозвучным словом. Про Донбасс промолчал, не пожелав акцентировать внимание к региону, который вызывал сострадание у каждого нормального человека. – А это красавицы из танцевального кружка, помогают нам, деревянным истуканам, осваивать пластику движений. Таня, Танечка, Танюша, – первой подтолкнул нарушить личное пространство Воеводы девушку с остреньким точёным подбородком, носиком с лёгкой горбинкой и при всей этой утончённости – с хулиганистой рваной чёлкой. И как разрешают парикмахерам так изгаляться над людьми? Или мода такая? Протёртые на коленях джинсы, наверняка дорожные наушники на голове. Туго обтянутая на груди кожаная куртка. У второй девчонки вон ровная русая чёлка над большими очками, всё привычно и красиво. – И Светлана. Светка, а в обиходе – Ветка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.